

УДК 1(410)(091)

DOI: 10.17223/1998863X/58/12

В.В. Яковлев

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ЮМА: ПРАКТИКИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проведен обзор некоторых базовых положений советской историографии религиозно-философских идей Юма. Предметом рассмотрения стала историко-философская рефлексия известных отечественных специалистов и исследователей – С.Ф. Васильева, А.Ф. Грязнова, Б.В. Мееровского, Ю.П. Михаленко, И.С. Нарского, Н.Э. Овандера. Выявлены встречающиеся в их работах основные характеристики религиозно-философских идей Юма.

Ключевые слова: Дэвид Юм, религиозно-философские идеи, советская историография.

Введение

В центре внимания в данной статье находится советская историография религиозно-философских идей Юма. Следует отметить, что, в общем, в советской – формационно-эволюционистской по определению историографии религиозно-философских идей Юма – весьма часто эти идеи рассматривались в контексте его скептических и общеполитических воззрений. Цель статьи – выявить встречающиеся в советской формационно-эволюционистской специализированной историографии основные характеристики религиозно-философских идей Юма. Достичь этой цели планируется посредством проведения обзора некоторых базовых положений обозначенной историографии, представленных в ряде монографий, учебном пособии, ряде статейных и эссеистских исследований.

Монографии

Ю.П. Михаленко¹ рассматривал компоненты религиозно-философских идей Юма в монографии «Философия Д. Юма – теоретическая основа английского позитивизма XX века» [1]. На страницах данной монографии Михаленко неоднократно обращался к осмыслению различных религиозно-философских идей Юма и различных аспектов этих идей. Весьма показательны общие характеристики религиозно-философских идей Юма, данные Михаленко, например, во введении [1. С. 3–17]. Так, констатируя, что французские материалисты «вслед за английским материалистом и атеистом Гоббсом (1588–1679) вели беспощадную борьбу против религии и [Ц]еркви²», Михаленко отметил, что «[р]елигиозный скептицизм Юма казал-

¹ Михаленко Юрий Петрович (род. в 1929 г.) – доктор философских наук; советский и российский историк философии и философ-антрополог. Работал в Институте философии РАН.

² При печатании религиозных понятий и слов с вероисповедным значением в настоящей статье автор стремился учитывать нормы церковной лексики [2], т.е. начинать эти понятия и слова с начальной прописной буквы. Увы, данное правило вольно соблюдается в источниковедческих публикациях и исследовательской литературе, с чем связаны многочисленные квадратные скобки при печатании указанных понятий и слов в тексте статьи. Кроме того, нужно учитывать, что в оригинальных изданиях упоминаемых в статье источников понятия и слова с вероисповедным значением также напечатаны с начальной прописной буквы.

ся передовым мыслителям Франции слишком умеренным». Юму, по их мнению (в трактовке Михаленко), не удалось полностью освободиться «от оков религии» [1. С. 8]. Позицию Юма в вопросах религии Михаленко считал отражением двойственности «классового положения английской буржуазии» [1. С. 9].

В понимании Михаленко, эту захватившую власть буржуазию отличало наличие у нее противоречивой потребности использовать и религию «для духовного подавления народа», и науку «для развития капиталистического производства». По мнению исследователя, «[ю]мизм удовлетворяет этой потребности буржуазии». Так, Юм произвел скептическую критику религии в «Диалогах о естественной религии» и в «Естественной истории религии»¹. Однако буржуазии было не выгодно довести борьбу «науки против религии» до решительного конца. Буржуазия, по мысли Михаленко, не заинтересована в развитии «подлинной науки», так как на основе этой науки формируется критическая оценка «существующих буржуазных порядков». Следовательно, у буржуазии возникало стремление ограничить науку «в пользу религии». Как полагал ученый, «[ю]мизм удовлетворяет и этой потребности буржуазии, так как он объявляет основные вопросы мировоззрения недоступными разрешению силами человеческого разума». Следовательно, «[ф]илософия юмизма выражает религиозное ханжество и лицемерие буржуазии: наука и свободомыслие – для имущих и „образованных“, религии – для одурманивания народных масс» [1. С. 10].

Свои соображения о своеобразии религиозно-философских идей Юма Михаленко высказал в пункте 2 главы первой «Юмизм и основной вопрос философии». Пункт называется «Критика Юмом понятия духовной субстанции как форма защиты „средней“ линии в философии» [1. С. 31–42]. Например, по мнению автора, несмотря на то, что Юм выступал «против Беркли² с критикой понятия духовной субстанции», он чуждался материалистических соображений, ибо им не была отвергнута субъективно-идеалистическая аргументация Беркли. Критикуя представления о «духовной субстанции», Юм занял позицию «последовательного субъективизма» [1. С. 37–38]. Тем не менее, по убеждению Михаленко, произведенную Юмом критику «понятия духовной субстанции», нашего «я» можно использовать для критики богословия, нацеленного на «рациональное „доказательство“ бытия [Б]ожия». По мысли исследователя, осуществленная Юмом «скептическая критика религии» имела на определенном историческом этапе положительный эффект. К примеру, свойственное Юму представление о нашем «я» как о пучке «перцепций», согласно Михаленко, «ставило под сомнение сказки теологов о «загробной жизни», «спасении души» и т.п.».

Впрочем, Ю.П. Михаленко настоятельно подчеркнул, что «[к]ритика религии Юмом носила весьма ограниченный характер». Ведь агностические убеждения не позволяют, в конечном итоге, и отрицать существование Бога, потому что «вопрос о существовании Бога» заставляет выходить «за пределы

¹ Сочинения Юма «Dialogues Concerning Natural Religion» («Диалоги о естественной религии»), 1779 г. (посмертное издание); «The Natural History of Religion» («Естественная история религии»), 1757 г. Известно, что «Диалоги о естественной религии» написаны Юмом раньше «Естественной истории религии».

² Беркли Джордж – англо-ирландский философ, ученый, англиканский епископ (George Berkeley; 1685–1753).

непосредственно данных ощущений» и, следовательно, по мысли Юма, он «превышает возможности человеческого разума». То есть, заключает Михаленко, в своих скептических рассуждениях Юм не подошел к атеизму. В целом «в религиозных вопросах для юмизма характерна антиматериалистическая направленность, глубокая, но маскируемая антитеологической и иррелигиозной фразой враждебность материализму и атеизму» [1. С. 38]. В конечном итоге, «[с]кептицизм Юма оказывается бессильным против религии», вследствие того что религия базируется на иррациональных основаниях, а также вследствие того что в религии на первый план выдвигается вера, а не разум. В этом смысле «[ю]мизм расчищает место иррациональной вере» [1. С. 39].

И.С. Нарский¹ обсуждал компоненты религиозно-философских идей Юма в монографии «Философия Давида Юма» [3]. Размышления Нарского об этих идеях встречаются в разных главах монографии, кроме того, обсуждению указанных идей Юма посвящена вся глава VI «Между религиозными догматами и безверием» [3. С. 235–276]. В центре внимания Нарского в этой главе находились религиозно-философские идеи Юма, высказанные им в сочинениях «Естественная история религии» и «Диалоги о естественной религии». Показательны общие характеристики религиозно-философских идей Юма, данные Нарским в обозначенной главе.

Так, по его мнению, «[п]роблема истинности веры в [Б]ога была для Юма столь же значительна, как и проблема причинности (см. у Нарского ссылку в сноске 1. – В.Я.). Это была вторая область приложения его скептицизма, до некоторой степени прогрессивного по своим последствиям именно в этой области». Понимание Юмом религии ярко свидетельствует о двойственности «позиции шотландского философа, занятой им в антитезе религии и безверия». Из-за этой двойственности, по мнению Нарского, Юму пришлось выступать в роли по большей части невольного союзника представителей французского Просвещения, а иногда и представителей и французского материализма «в борьбе их против христианства». С другой стороны, используя эту двойственность, Юм отмежевался «от атеизма, дабы не оказаться отщепенцем в „респектабельном“ обществе на своей родине». Наконец, вследствие этой же двойственности Юм не смог прийти к последовательным заключениям по результатам своих исследований «причин возникновения религии». Двойственность также вызывала недовольство «добропорядочной Англии», не одобрявшей, в частности, враждебность Юма «к всякому духовенству» [3. С. 235].

На основании кратких источниковедческих и историографических экскурсов Нарский отметил, что «отношение Юма к религии не отличается ясностью и простотой» [3. С. 238]. Он предложил правильную, по его мнению, трактовку сущности взглядов Юма на религию, в той или иной форме изложенных им в «Трактате о человеческой природе»² и в «Диалогах о естествен-

¹ Нарский Игорь Сергеевич (1920–1993) – доктор философских наук, профессор; советский и российский историк философии. Работал на кафедре истории зарубежной философии философского факультета МГУ, а также в Институте философии АН СССР.

² Сочинение Юма «A Treatise of Human Nature, being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects» («Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам»), 1739–1740 гг.

ной религии». Так, нельзя говорить о несовместимости этих взглядов с религией в целом, но можно говорить о несовместимости этих взглядов только «с определенными ее формами и прежде всего – с христианством» [З. С. 238–239].

Изучая историю Великобритании и конкретно Шотландии¹, Юм, по замечанию Нарского, убедился в том, «что религиозные распри различных враждующих групп служат политическим целям, а догматические различия между верующими всего-навсего просто хлам, который, если не приносит вреда, то бесполезен» (см. у Нарского ссылку в сноске 4. – В.Я.) [З. С. 239]. Нарский также указал на то, что «[н]е только католикам, „секту“ которых, как выражался Юм, он в особенности презирал, но и представителям всех прочих христианских вероучений немало досталось от него». Напомнил он и о том, что Юм «считал христианскую религию скоплением „суеверий“, „заблуждений“ и „фантазий“, „сновидениями больного человека“, „игривыми причудами обезьян в облике человеческого“ и т.д.» (см. у Нарского ссылку в сноске 1. – В.Я.). Ссылаясь на источники, Нарский упомянул так же о высмеивании Юмом религиозного культа и обрядности, о выведении Юмом из числа грехов самоубийства, об отрицании Юмом бессмертия души, и т.п. [З. С. 240].

Однако, по мнению И.С. Нарского, «может быть, наибольший гнев клерикалов вызывала знаменитая критика Юмом учения [Ц]еркви о чудесах». Нарский констатировал, что «[в] эссе „О чудесах“ (которое было опубликовано также как глава X «Исследования о человеческом познании»². – В.Я.) Юм квалифицировал всякое предполагаемое чудо как „нарушение законов природы“, верить в которое людям „приятно“». Здесь Юм «противопоставляет рассказам о „[Б]ожественном вмешательстве“ в течение событий „твердый и неизменный опыт (a firm and unalterable experience)“, который утвердил эти законы» (см. у Нарского ссылку в сноске 2. – В.Я.). Как считал Нарский, «[в] этом противопоставлении терпит крах христианство в целом: сплошным „чудом“ является уже то, что люди принимают это противоестественное и нелепое учение и верят в него» [З. С. 242].

Идеи Юма о чудесах Нарский (как он сам напомнил [З. С. 242]) обсуждал также в главе IV «Подлинная структура причинности. Причинность и социальные явления» [З. С. 169–205]. Краткий анализ рассматриваемых идей он произвел в контексте обсуждения противоречивости различных религиозно-философских идей Юма. Как полагал Нарский, ведя полемику «против клерикалов и официальных религий, Юм стремится опереться на им же расшатываемый принцип причинности в событиях природы, в особенности когда нападает на учение о чудесах, составляющее, по его мнению, стержень религиозной веры» (здесь для иллюстрации вышесказанного И. Нарский сослался на интересные, по его мнению, комментарии, сделанные Юмом в «Истории Англии» при обсуждении им судебного разбирательства против Жан-

¹ Сочинение Юма «The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688» («История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции в 1688 г.»), в 6 т., 1754–1778 гг.

² Сочинение Юма «An Enquiry Concerning Human Understanding» («Исследование о человеческом познании»), 1748 г.; при первой публикации сочинение называлось «Philosophical Essays Concerning Human Understanding. By the Author of the Essays Moral and Political».

ны д'Арк¹). Обратившись далее к соображениям Юма из посвященной чудесам главы X «Исследования», Нарский отметил: «Юм ссылается на то, что твердый и неизменный опыт „прочно“ установил законы природы, и заявляет: „А так как единообразный опыт равняется доказательству, то против существования какого бы то ни было чуда у нас есть *прямое и полное доказательство*...“» (курсив мой; см. у Нарского ссылку в сноске 2. – В.Я.). В общем, сущность высказанных Юмом в указанной главе идей о чудесах историк сводил к следующему: «Начиная с соображений о маловероятности чудес, Юм заканчивает твердым отрицанием того, что чудеса когда-либо и где-либо были или могли бы быть».

А вот на страницах «Трактата о человеческой природе» Юм отметил «доводы религии в пользу признания свободы воли человека». Нарский подчеркнул, что «[в]озникает явное несоответствие» [3. С. 201]. В этой связи противоречивые и не антирелигиозные размышления Юма о судьбе, о причинности [3. С. 201–202] показывают, что «[д]ороги Юма и французских материалистов разошлись; он не развил того успеха в сражении с религией, который выпал на его долю в полемике о чудесах». В понимании Нарского, в целом «проблема чудес была для клерикалов одним из самых уязвимых пунктов, и здесь им пришлось отступать шаг за шагом» [3. С. 202].

И.С. Нарский анализировал компоненты религиозно-философских идей Юма в монографии «Давид Юм» [4]. Эти идеи он рассматривал в главе IV «Человек и религия» [4. С. 83–100], которая состоит из вводного фрагмента [4. С. 83–87] и двух пунктов: «Происхождение религии» [4. С. 88–94] и «Вопрос об истинности религиозной веры» [4. С. 94–100]. Как и следовало ожидать, в этой книге Нарский повторял либо углублял и расширял свои мысли о религиозно-философских идеях Юма, высказанные им в своей же монографии о Юме [3], некоторые положения которой были уже рассмотрены выше. Круг рассматриваемых Нарским источников при освещении религиозно-философских идей Юма в монографии 1973 г. по сравнению с монографией 1967 г. не изменился [4. С. 88]. Кроме того, и в монографии 1973 г. размышления ученого о религиозно-философских идеях Юма и его идеях о чудесах встречаются не только в специализированной главе (глава IV здесь). Например, в главе III «Проблема причинности» в пункте 3 «Юм „спасает“ причинность. Оценка его учения о каузальных связях» [4. С. 69–82]. Нарский отметил, что в своих работах «по критике религии» Юм «рассуждает о психологических детерминациях религиозных иллюзий вполне в духе материализма XVIII в. Так, решительно отрицая возможность чудес, он ссылается на строгое единообразие причинно-следственных отношений в природе» [4. С. 72].

Особое внимание исследователь уделял критике Юмом религии. В начале пункта 1 главы IV рассматриваемой монографии Нарский заявил, что «[к]ритика Юмом религии составляет самую прогрессивную часть его учения» [4. С. 88]. Продолжая развивать тему, И. Нарский указал, что в несколь-

¹ Жанна д'Арк / Орлеанская Дева – легендарная предводительница французских войск в Столетней войне (1337–1453 гг.) между Францией и Англией (Jeanne d'Arc / La Pucelle d'Orléans; ок. 1412–1431 гг.).

ких своих сочинениях Юм «иронически едко пишет о вере в [Б]ожественные чудеса», уподобляет любые культы вздору и нелепице. Юм говорил не только о бесполезности, но и о вреде религии для человека. Например, в «Истории Англии» «Юм показывает, как различные христианские [Ц]еркви в корыстных политических целях стравливали друг с другом людей, разжигали их взаимную ненависть и подстрекали к массовой резне» [4. С. 91].

Также, по мнению Нарского, духом «воинствующего антиклерикализма» пронизаны сентенции Юма из второй части предисловия ко второму тому «Истории Англии» (опубликованной в составе «Диалогов о естественной религии»). Судя по этим сентенциям, Юм считал религию величайшим злом: «[и]змыслив ее (религию. – В.Я.), люди вместо полезной для них веры (belief) в естественные причинные связи обрели вредную веру (faith) в чудесную, сверхъестественную беспричинность» [4. С. 92].

Весьма показательны характеристики Нарского особенностей агностицизма Юма в религиозных вопросах. Например, обсуждая в пункте 2 главы IV соображения Юма из «Диалогов о естественной религии» в отношении доказательств бытия Бога (и подводя читателя к мысли о все той же противоречивости религиозно-философских идей Юма), Нарский, помимо всего прочего, дал такую трактовку: «Оснований верить в существование [Б]ога-личности нет, но есть, по его мнению, основания оправдать веру в некую верховную „Причину вообще“» (см. у Нарского далее цитату и ссылку. – В.Я.). По мысли исследователя, выходит, «что вера (belief) в объективную причинность, одобряемая Юмом в „Трактате о человеческой природе“ как правильная житейская позиция, используется им теперь как основание для допущения веры (faith) в [Б]ожественную причинность» [4. С. 95]. Следовательно, даже приверженность агностицизму не помогла Юму развить в теоретической сфере положения атеизма, «и он остановился „на полпути“ к нему, и даже на распутье между атеизмом и деизмом» [4. С. 95–96].

Учебное пособие

А.Ф. Грязнов¹ истолковывал религиозно-философские идеи Юма в главе 7 «Юм» [части] III «Идеалистические и агностические учения» раздела I «Английская философия XVIII века» учебного пособия «Западноевропейская философия XVIII века», авторами которого являлись также В.Н. Кузнецов и Б.В. Мееровский² [5]. Кроме того, в данной главе осмыслению этих идей посвящен специальный пункт – «Юм о религии и [Ц]еркви» [5. С. 131–134]. В целом по смыслу общие и частные оценки религиозно-философских идей Юма, даваемые Грязновым, совпадают с рассмотренными выше оценками этих идей, встречающимися на страницах советских монографий. В центре

¹ Грязнов Александр Феодосиевич (1948–2001) – доктор философских наук, профессор; советский и российский философ, историк философии. Работал на кафедре истории зарубежной философии философского факультета МГУ.

² Кузнецов Виталий Николаевич (1932–2011) – доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор МГУ; советский и российский философ, историк философии. Работал на кафедре истории зарубежной философии философского факультета МГУ. Мееровский Борис Владимирович (1922–1996) – доктор философских наук, профессор; советский и российский историк философии. Работал на кафедре философии Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова – Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова.

внимания ученого в указанной главе находились религиозно-философские идеи Юма из «Трактата о человеческой природе», «Исследования о человеческом познании», «Естественной истории религии», «Диалогов о естественной религии».

По мысли Грязнова, «[н]есмотря на то что шотландский философ не примыкал к атеизму, его позиция объективно была прогрессивным шагом в критике религии». Несомненно, заслуживает внимания представленный исследователем далее небольшой комментарий к идеям Юма о чудесах из главы «Исследования». Так, Юм показал, «что описания всевозможных чудес, содержащиеся в различных религиях, противоречат свидетельствам чувств и здравому смыслу. Человеческие слабости – склонность ко всему необычному и способность лгать – подлинные источники тех загадочных событий, о которых сообщают древние авторы и священные книги. Чудеса обладают наименьшей степенью вероятности». Следом Грязнов процитировал известный «аргумент» Юма из «Исследования» (см. у Грязнова ссылку в тексте). Завершая комментарий, он отметил, что «[н]а многие вопросы, касающиеся религии и [Ц]еркви, Юм смотрел даже более реалистически, чем французские просветители», и (по Грязнову) это обеспечило весомость религиозно-философских идей Юма впоследствии.

Как полагал ученый, «[з]начительно более сложен вопрос об определении позитивной концепции Юма в отношении религии». Для решения этого вопроса он обратился к рассмотрению ряда идей Юма из «Диалогов о естественной религии» [5. С. 132]. Позицию Юма в «Диалогах», по его мнению, отражает точка зрения «скептика Филона».

Подводя итоги освещению религиозно-философских идей Юма, А.Ф. Грязнов отметил, что богословам и религиозно настроенным философам – современникам Юма – он казался вольнодумцем и антиклерикалом, подрывающим основы религии. Тем не менее «компромиссный характер всего мировоззрения Юма не позволил ему занять атеистическую позицию». И хотя Юм по многим вопросам оппонировал английским деистам, «его собственная позиция близка деизму, правда, скептицизм и агностицизм не позволяют ему сформулировать твердую и определенную точку зрения». Впрочем, Грязнов не сомневался в неприятии «Юмом понятия [Б]ога как личности, обязательного для христианской ортодоксии» [5. С. 133]. С другой стороны, «[н]аличие [Б]ожества, сущность которого непознаваема, для него (Юма. – В.Я.) „доказывается“ существующей-де в мире целесообразностью» (см. у Грязнова ссылку в тексте. – В.Я.) [5. С. 133–134].

Таким образом, «[с]вою позицию Юм, как и деисты, называл „естественной религией“¹, в основе которой лежит допущение непознаваемой „высшей причины“». Так происходила практическая реализация «понятия о причине», разработанного Юмом. Оно и позволяло ему «остановиться на позиции абстрактной религиозной веры, противостоящей религиозному обскурантизму и фанатизму» [5. С. 134].

¹ Естественная религия (лат. «religio naturalis», фр. «religion naturelle» [ʁəliʒjɔ̃ natyʁɛl], англ. «natural religion») – религия здравого смысла, т.е. религия, корящаяся в разуме, в человеческой природе и, соответственно, упраздняющая значение откровения, религиозных авторитетов, догм, и т.п.

Статейные и эссеистские исследования

С.Ф. Васильев¹ объяснял компоненты теоретико-философских и общеполитических идей Юма в эссе «Теоретическая философия Давида Юма», опубликованном в «Историко-философском сборнике» [6]. Эссе Васильева состоит из двух пунктов (I–II) без специальных подзаголовков [6. С. 104–128; 128–151]; пункты разбиты на обозначенные звездочками (***) подпункты без специальных подзаголовков. В центре внимания историка – соответствующие идеи Юма из «Трактата о человеческой природе» и «Исследования о человеческом познании». В эссе религиозно-философские идеи Юма не рассматриваются. Тем не менее полезно изложить представленные Васильевым в заключительном подпункте пункта II эссе общие характеристики теоретической философии Юма. Так, по его мнению, «[а]налитический характер юмовского мышления обусловил антидиалектический подход его к проблеме познания, что в итоге и привело его к феноменализму, а затем – скептицизму».

Васильев констатировал также, что, испытывая влияние со стороны рационализма, Юм причислил математику к априорным наукам, находя ее «состоящей из аналитических суждений». Вообще, отличаясь созерцательным отношением к окружающей действительности и одновременно используя аналитическую методологию, Юм мог бы превратиться в выразителя идей солипсизма; однако «апелляция к „здоровому смыслу“ и практике дала ему возможность остановиться на агностицизме».

Согласно Васильеву, произведенная Юмом «критика причинности», с логической необходимостью вытекающая из «общих положений его системы, является крайней антитезой онтологически-метафизического понимания причинности, которое было разработано рационалистами». Вместе с тем блестящая критика «априоризма в понимании причинности» не помогла Юму вследствие его феноменализма «удовлетворительно справиться с положительным решением проблемы». Подводя финальный итог эссе, Васильев заявил, что «[о]бщая роль юмовской теоретической философии, – если ее не вырывать из той объективной среды, в которой она выросла, и если сопоставить ее с теми историческими противниками, с которыми она боролась, – может быть с исторической точки зрения оценена как прогрессивная» [6. С. 151].

Н.Э. Овандер² рассуждал о компонентах теоретико-философских, общеполитических и религиозно-философских идей Юма в статье «Учение Юма о причинности и марксистская критика этого учения», опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» [7]. Статья Овандера состоит из введения и пяти пунктов без нумерации и специальных подзаголовков; пункты обозначены звездочками (***) [7. С. 90; 90–93; 93–101; 101–105; 105–107; 107–114].

Компоненты религиозно-философские идей Юма освещаются вскользь в первом пункте статьи – на фоне производимых общих характеристик идей о

¹ Васильев Сергей Фёдорович (1898–1937) – советский философ и историк науки. Работал в Ленинградском отделении Института философии АН СССР.

² Овандер Николай Эдуардович (? – 1963) – кандидат философских наук, доцент; советский историк философии. Работал в Институте философии АН УССР, в Киевском государственном университете, в Одесском государственном университете.

причинности и оценок общефилософских воззрений Юма. Так, «[и]сходным пунктом философии Юма является скептицизм или агностицизм» (разрядка моя. – В.Я.) [7. С. 90]. Овандер высказал также свои соображения о классовом источнике, фундировавшем скептицизм, феноменализм и идеализм Юма. Этим источником «был поворот наиболее влиятельных, верхушечных элементов английской буржуазии после победы революции 1689 г.¹ к реакции, как политической, так и идейной, теоретической». Конкретно в скептицизме Юма и в субъективном идеализме предшествовавшего ему Беркли историк усмотрел реакцию «на материалистическую философию, широко распространившуюся в Англии среди радикально-демократических интеллигентских кругов (Толанд, Мандевил, Додуэл, Гартли, Коллинз² и др.)».

В сомнении Юма Овандер видел также своеобразное философское обобщение «эмпирической ограниченности естествоиспытателей XVIII века» [7. С. 91]. То есть в физике теоретические выкладки Ньютона³ являлись в условиях его эпохи «передовыми», тогда как философское учение Юма и применительно к условиям XVIII в. было отсталым и реакционным; однако своеобразие философии Юма и воплощалось «в том, что она в себе концентрировала то отсталое, что было свойственно тогдашнему метафизическому, ограниченно-эмпирическому естествознанию».

Как полагал Овандер, «[п]резрение к разуму и недоверие к науке толкали Юма в объятия идеализма и определили характернейшие черты его философской концепции». Кроме того, «[б]орьба Юма с материализмом и тупоумная претензия „подняться выше“ материализма и идеализма толкали его в объятия субъективного идеализма Беркли». Впрочем, ошибочно полностью отождествлять философское учение Юма и идеализм Беркли. В отличие от Беркли Юм «старался занять особую позицию, позицию колебаний между материализмом и идеализмом». Юм же представлял агностицизм, и «[е]го колеблющаяся позиция отчетливо выступает во всех его работах».

Для иллюстрации этого Овандер обратился к краткому обсуждению ряда основополагающих идей Юма из сочинений «Трактат о человеческой природе», «Исследование о человеческом познании», «Диалоги о естественной религии». Так, Юм говорил об отсутствии оснований для неопровержимых доказательств или отрицания бытия Бога, о непонятности как материализма, так и идеализма (см. у Овандера ссылки в сносках 2–5. – В.Я.) [7. С. 92]. Резюмируя свои рассуждения в первом пункте статьи, историк указал на пессимистичность общего вывода Юма. Вывод этот отражен в суждениях Юма из «Трактата о человеческой природе» о более чем скромных познавательных способностях человека (см. у Овандера ссылку в сноске 1 на С. 93.) [7. С. 92–

¹ «Славная революция» (“Glorious revolution” / “Revolution of 1688” / “Bloodless Revolution”) – процесс установления парламентской монархии в Англии в 1688–1689 гг.

² Толанд Джон – ирландский философ, самобытный интеллектуал, исследователь и историк христианства (John Toland; 1670–1722). Мандевилл Бернард де – английский философ французского происхождения, врач, психолог, писатель-моралист (англ. Bernard Mandeville, фр. Bernard de Mandeville; 1670–1733). Додуэлл / Додвелл Генри – англо-ирландский церковный писатель, англиканский теолог (Henry Dodwell; 1641–1711). Гартли Дэвид / Давид – английский врач, философ и психолог (David Hartley; 1705–1757). Коллинз Энтони / Джон-Энтони (Антони) – английский философ, теолог (Anthony / John-Anthony Collins; 1676–1729).

³ Ньютон Исаак – английский физик, математик, астроном (Sir Isaac Newton; 1642–1727).

93]. Как подытожил Овандер, «[т]ак подходит Юм к решению основного вопроса философии, игнорируя те выводы передовой философии и науки, которые были сделаны в его время» [7. С. 93].

Ю.П. Михаленко разбирает компоненты теоретико-философских и общепhilosophических идей Юма в статье «Об оценке действительного исторического значения теории причинности Юма», опубликованной в журнале «Научные доклады высшей школы. Философские науки» [8]. Данная статья не разделена на пункты. В центре внимания Михаленко находились соответствующие идеи Юма из «Трактата о человеческой природе» и «Исследования о человеческом познании». В статье нет анализа или описания религиозно-философских идей Юма. Несмотря на это, целесообразно коротко рассмотреть элементы примененного в ней марксистско-ленинского дискурса осмысления «действительного исторического значения теории причинности Юма». Как отметил исследователь, «[с]овременный позитивизм, утверждающий, что он покончил с традиционной „метафизикой“ и выдающий себя за „философию науки“, опирается на Юма, считая его „основателем ортодоксального научного метода“» (см. у Михаленко ссылку в сноске 2. – В.Я.). Кроме того, осуществленная Юмом «критика причинности» понимается современными позитивистами как необходимая предпосылка «научного метода», тогда как его теоретические соображения о причинности воспринимаются ими как один «из основных элементов этого метода». Проблемы причинности современные позитивисты, в целом, осмысливают в границах толкования причинности Юмом.

Выведенную (причем уже в начале статьи) Михаленко оценку «действительного исторического значения теории причинности Юма» в целях сохранения колорита соответствующего марксистско-ленинского дискурса уместно полностью процитировать: «Между тем, критика категории причинности Юмом явилась исторически преходящей, она занимала совершенно определенное место в историческом развитии взглядов по данному вопросу [8. С. 172]. Ее исторически преходящее значение было вполне исчерпано скептической ролью, которую она сыграла в своеобразных условиях развития естествознания и философии в XVIII в., когда уже начинала чувствоваться недостаточность метафизического метода, но еще далеко не созрели условия для выработки диалектического метода познания. Со времени возникновения диалектического метода отошло в прошлое и теоретическое значение критики Юма» (в статье весь процитированный фрагмент напечатан с разрядкой в тексте. – В.Я.) [8. С. 172–173].

При этом, по замечанию Михаленко, анализируя категорию причинности, Юм, так же, как он поступал при анализе любых других проблем, исходил «из решения основного философского вопроса в духе агностицизма и субъективного идеализма» [8. С. 173].

Б.В. Мееровский освещал компоненты религиозно-философских идей Юма в статье «Давид Юм и Шарль де Бросс[:] Из истории западноевропейского атеизма и свободомышлия», опубликованной в журнале «Философские науки (научные доклады высшей школы)» [9]. Статья не разделена на пункты. Мееровский отметил, что «[к]ритика религии занимает значительное место в произведениях Д. Юма». По его мысли, рассмотрение в статье «Естественной истории религии» – как он полагал, самого значительного и яркого

произведения «юмовского свободомыслия» – осуществляется им для осмысления степени воздействия идей данного произведения на идеи, изложенные Шарлем де Броссом¹ в его работе «О культе богов-фетишей», опубликованной в 1760 г. [9. С. 79].

Оставив в стороне сравнительный аспект статьи, следует осветить основные моменты описания исследователем содержательной сути указанного произведения. Так, главными задачами, которые ставил перед собой Юм в этом сочинении, были выяснение происхождения религии и описание того, как развивались религиозные представления. Как считал Мееровский, «[с]вои мысли по этим вопросам Юм противопоставляет взглядам английских деистов XVII–XVIII вв., которые не только подвергли рационалистической критике христианскую и другие исторически сложившиеся религии, но и стремились противопоставить этим религиям основанную на принципах разума „естественную религию“» [9. С. 80]. Эта «естественная религия» объявлялась ими «первоначальной и единственно истинной формой религиозного сознания»; всякую другую религию они считали воплощением «искажений и извращения», производимых, прежде всего, духовенством [9. С. 80–81].

Юм, по замечанию Мееровского, отверг подобную точку зрения. Согласно рассуждениям Юма, «[п]ервоначальной религией человечества был политеизм, или идолопоклонство». Этому обстоятельству можно найти подтверждение в исторических данных, в фактах «из жизни отсталых народов», в свойствах, присущих человеческому сознанию. В поисках причин, из-за которых возникли религиозные представления, Юм подчеркивал, что решающую роль в их формировании играли не человеческие разум и интеллект, а эгоистические побуждения и аффекты, связанные с житейскими заботами, боязнями, страхами, надеждами, и т.д.

Д. Юмом были рассмотрены «различные формы политеизма» на примерах древнегреческой, древнеримской, древневосточных религий. Причину, по которой возникали религиозные верования, Юм находил также в склонности «людей к антропоморфизму, к олицетворению природы», в стремлении «приписать всему окружающему чисто человеческие свойства». Юм полагал, что политеизм сменялся монотеизмом в условиях опять же преобладания эмоций, что религию в изменяющихся условиях подпитывали человеческие невежество, ограниченность, страхи, надежды, а вовсе не размышления «о конечных причинах бытия, первоначале всех вещей и т.п.». Как отметил Мееровский, при сопоставлении монотеизма и политеизма «с точки зрения их влияния на нравственность, отношения к другим религиям и т.д., Д. Юм отдает предпочтение язычеству, отличающемуся, по его мнению, большей веротерпимостью и гуманностью».

Причем, по замечанию Мееровского, «[х]ристианству (главным образом в лице римско-католического вероучения), иудаизму и мусульманству он [Юм. – В.Я.] противопоставляет „принципы истинного теизма“, естественную

¹ Бросс Шарль де – французский историк, этнограф, писатель, энциклопедист (фр. Charles de Brosses; 1709–1777).

религию, которая исходит из существования „невидимой разумной силы“, из признания того, что мир есть произведение какого-то непостижимого высшего начала, но не связывает себя никакими догмами, таинствами и обрядами» [9. С. 81].

Заключение

Таким образом, проведенный обзор позволил достичь цели, а именно вывить следующие встречающиеся в советской формационно-эволюционистской специализированной историографии основные характеристики религиозно-философских идей Юма.

Во-первых, советские специалисты и исследователи делали акцент на осмыслении тех религиозно-философских идей Юма, которые показывали своеобразие его скептицизма, своеобразие его отношения к материализму и деизму. Например, в скептицизме Юма видели реакцию «на материалистическую философию, широко распространившуюся в Англии среди радикально-демократических интеллигентских кругов» [7. С. 91]. Хотя и подчеркивалось, что «[с]кептицизм Юма оказывается бессильным против религии» [1. С. 39]. Говорилось также, что в целом «в религиозных вопросах для юмизма характерна антиматериалистическая направленность, глубокая, но маскируемая антитеологической и иррелигиозной фразой враждебность материализму и атеизму» [1. С. 38]. Отмечалось, что по вопросам происхождения религии, по вопросам развития религиозных представлений Юм полемизировал с английскими деистами XVII–XVIII вв. [9. С. 80]. Вместе с тем объявлялось, что «[с]вою позицию Юм, как и деисты, называл „естественной религией“, в основе которой лежит допущение непознаваемой „высшей причины“» [5. С. 134].

Во-вторых, советские специалисты и исследователи были склонны видеть в Юме философа, критически относящегося к религии. Отмечалось, что произведенную Юмом критику «понятия духовной субстанции, нашего „я“» можно использовать для критики богословия, нацеленного на «рациональное „доказательство“ бытия [Б]ожия». Впрочем «[к]ритика религии Юмом носила весьма ограниченный характер» [1. С. 38]. Указывалось, что взгляды Юма были несовместимы только с христианством, а не с религией, в целом [3. С. 238–239]. Тем не менее, заявлялось также, что «[к]ритика Юмом религии составляет самую прогрессивную часть его учения» [4. С. 88].

В-третьих, советские специалисты и исследователи часто обращали внимание на двойственность и противоречивость религиозно-философских идей Юма. Например, указывалось, что «[р]елигиозный скептицизм Юма казался передовым мыслителям Франции слишком умеренным» [1. С. 8], что «[ф]илософия юмизма выражает религиозное ханжество и лицемерие буржуазии» [1. С. 10]. Подчеркивалось, что понимание Юмом религии ярко свидетельствует о двойственности «позиции шотландского философа, занятой им в антитезе религии и безверия» [3. С. 235], а противоречивые и не антирелигиозные размышления Юма о судьбе, о причинности [3. С. 201–202] показывают, что «[д]ороги Юма и французских материалистов разошлись» [3. С. 202]. Говорилось также о большой сложности вопроса «об определении позитивной концепции Юма в отношении религии» [5. С. 132].

Литература

1. Михаленко Ю.П. Философия Д. Юма – теоретическая основа английского позитивизма XX века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 151 с.
2. Редакционно-издательское оформление церковных печатных изданий: справочник автора и издателя. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2015. 205 с.
3. Нарский И.С. Философия Давида Юма. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. 357 с.
4. Нарский И.С. Давид Юм. М. : Мысль, 1973. 180 с.
5. Грязнов А.Ф. Юм // Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязнов А.Ф. Западноевропейская философия XVIII века : учеб. пособие. М. : Высш. школа, 1986. Разд. I: Английская философия XVIII века, [ч.] III. Идеалистические и агностические учения, гл. 7. С. 99–135.
6. Васильев С. Теоретическая философия Давида Юма // Историко-философский сборник / под общ. ред. А.М. Деборина. М. : Коммунист. акад., 1925. С. 104–151.
7. Овандер Н. Учение Юма о причинности и марксистская критика этого учения // Под знаменем марксизма. 1941. № 4. С. 90–114.
8. Михаленко Ю.П. Об оценке действительного исторического значения теории причинности Юма // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1958. № 2. С. 172–183.
9. Мееровский Б.В. Давид Юм и Шарль де Бросс : Из истории западноевропейского атеизма и свободомыслия // Философские науки (научные доклады высшей школы). 1965. № 6. С. 79–84.

Valentin V. Yakovlev, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 121–134.

DOI: 10.17223/1998863X/58/12

COMPREHENDING HUME'S RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL IDEAS: PRACTICES OF SOVIET HISTORIOGRAPHY

Keywords: David Hume; religious-philosophical ideas; Soviet historiography.

The article overviews some of the basic provisions of the Soviet historiography of Hume's religious-philosophical ideas. The subject of the article is the historical-philosophical reflection of famous national specialists and researchers – S.F. Vasiliev, A.F. Gryaznov, B.V. Meerovsky, Yu.P. Mikhalenko, I.S. Narsky, N.E. Ovander. The aim of the article was to identify the main characteristics of Hume's religious-philosophical ideas found in the Soviet formational-evolutionist specialized historiography. As a result, the following was stated. Firstly, Soviet specialists and researchers focused on comprehending those Hume's religious-philosophical ideas, which showed the originality of his skepticism, the originality of his attitude towards materialism and deism. Secondly, they were inclined to see in Hume a philosopher who was rather critical of religion. Thirdly, they often drew attention to the duality and contradictions of Hume's religious-philosophical ideas. The article is provided with a body of reference in the form of personalities, bibliographic articles, and a dictionary entry.

References

1. Mikhalenko, Yu.P. (1962) *Filosofiya D. Yuma – teoreticheskaya osnova angliyskogo pozitivizma XX veka* [D. Hume's philosophy is the theoretical basis of 20th-century English positivism]. Moscow: USSR AS.
2. Siloviev, V. (ed.) (2015) *Redaktsionno-izdatel'skoe oformlenie tserkovnykh pechatnykh izdaniy: spravochnik avtora i izdatelya* [Editorial and Publishing Design of Church Publications: A Reference Book of the Author and Publisher]. Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church.
3. Narsky, I.S. (1967) *Filosofiya Davida Yuma* [Philosophy of David Hume]. Moscow: Moscow State University.
4. Narsky, I.S. (1973) *David Yum* [Philosophy of David Hume]. Moscow: Mysl'.
5. Gryaznov, A.F. (1986) Yum [Hume]. In: Kuznetsov, V.N., Meerovsky, B.V. & Gryaznov, A.F. *Zapadnoevropeyskaya filosofiya XVIII veka* [West European Philosophy of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 99–135.

6. Vasiliev, S. (1925) Teoreticheskaya filosofiya Davida Yuma [Theoretical philosophy of David Hume]. In: Deborin, A.M. (ed.) *Istoriko-filosofskiy sbornik* [Historical and Philosophical Collection]. Moscow: Kommunist. akad. pp. 104–151.

7. Ovander, N. (1941) Uchenie Yuma o prichinnosti i marksistskaya kritika etogo ucheniya [Hume's doctrine of causality and Marxist criticism of this doctrine]. *Pod znamenem marksizma*. 4. pp. 90–114.

8. Mikhaleiko, Yu.P. (1958) Ob otsenke deystvitel'nogo istoricheskogo znacheniya teorii prichinnosti Yuma [On the assessment of the actual historical significance of Hume's theory of causality]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filosofskie nauki*. 2. pp. 172–183.

9. Meerovsky, B.V. (1965) David Yum i Sharl' de Bross: Iz istorii zapadnoevropeyskogo ateizma i svobodomyслиya [David Hume and Charles de Bross: From the History of Western European Atheism and Free Thought]. *Filosofskie nauki (nauchnye doklady vysshey shkoly)*. 6. pp. 79–84.